

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Смоленский государственный университет»

Факультет филологический
Кафедра русского языка

Выпускная квалификационная работа
на тему: «Эвфемизация медицинской лексики в современном русском языке»

Выполнила:
студентка 5 курса
очного отделения
направления подготовки
44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки),
профиль: Русский язык, Литература
Болдырева Эля Валерьевна

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Лунькова Екатерина Сергеевна

Смоленск
2020

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ.....	5
1.1. Краткие сведения из истории появления и распространения эвфемизмов.....	5
1.2. Признаки эвфемизмов. Границы термина.....	8
1.3. Словари эвфемизмов.....	11
Глава II. ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И МЕДИЦИНСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ.....	15
2.1. Национальный корпус русского языка как база для исследования эвфемизмов.....	15
2.2. Лексические особенности некоторых эвфемизмов медицинского происхождения.....	18
2.3. Социальный аспект эвфемизации лексики медицинского происхождения.....	38
Заключение.....	41
Список литературы.....	44

Введение

В XXI веке эвфемизмы представляют собой особый интерес для исследователей русского языка, поскольку вопросы употребления нейтральных, политкорректных слов и выражений встают в наше время особенно остро. Эвфемизмы позволяют избежать неуместности использования того или иного слова, выступая как слова с отсутствующей отрицательной коннотацией.

Медицина стала хорошей почвой для развития эвфемизмов, впоследствии покинувших пределы данной сферы. Если внутри взаимодействия между врачом и пациентом эвфемия возникала нечасто (не было необходимости между членами коммуникации скрывать специфику обсуждаемого вопроса, поскольку слова, сказанные врачом, должны быть понятны, как минимум, для установления доверительных отношений и во избежание недопонимания) [Агаджанян (электронный ресурс)], то вне медицинского дискурса «недопонимание» иногда было самоцелью использования эвфемизма медицинского происхождения. Связано это с большим доверием врачам в деликатных вопросах, нежели иным окружающим, в общении с которыми «неуместные» темы приходилось скрывать особыми словами.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что она является малоизученной, а эвфемизмы медицинского происхождения достаточно быстро внедряются в современную жизнь и функционально видоизменяются, перестают играть роль эвфемизмов, зачастую полностью подменяя собой понятия немедицинского характера. Большое количество исследований посвящено эвфемии внутри медицинской сферы, но почти не исследованы слова, которые её покинули, стали проникать в обыденную речь.

Объектом исследования являются эвфемизмы в современном русском языке.

Предмет исследования – эвфемизмы медицинского происхождения.

Целью исследования является рассмотрение эвфемизации медицинской лексики в современном русском языке.

Для выполнения исследования были поставлены следующие **задачи**:

1. Дать обзор исследованиям, посвященным теме эвфемизмов, основным словарям эвфемизмов.

2. Представить анализ лингвистического материала, выявить закономерности бытования медицинской лексики вне медицинской сферы употребления.

3. Рассмотреть социальные аспекты эвфемизации медицинской лексики в современном русском языке.

4. Сделать выводы о функционировании данного явления.

Материалом исследования послужили тексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка методом сплошной выборки.

При анализе языкового материала были использованы следующие **методы**:

- анализ научной литературы;
- метод количественного и статистического анализа;
- структурно-семантический метод исследования;
- социологическое исследование.

Теоретическая значимость данной работы заключается в том, что её результаты вносят вклад в развитие различных областей лексикологии и стилистики. В исследовании представлены мало цитировавшиеся труды, помогающие в познании особенностей эвфемистической лексики русского языка.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования работы при чтении элективных курсов в высших учебных заведениях. Изучение эвфемизмов может быть полезно в исследованиях наук гуманитарного профиля.

Глава I. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ

1.1. Краткие сведения из истории появления и распространения эвфемизмов

Понятие эвфемизма невозможно рассматривать отдельно от понятия «табу», поскольку именно благодаря социальным табу появились первые выражения, стремящиеся к максимальной корректности. Малый академический словарь говорит нам о том, что табу является запретом, который налагается на какое-то действие, предмет или, что важно для раскрытия нашей темы, слово. Нарушение табу приводило к печальным последствиям: как правило, это была кара свыше [МАС, 1957—1984]. Из этого следует, что определённые слова обладали некоторым мистическим свойствами, нарушая которые человек рисковал подвергнуться санкциям от высших сил.

Понятие табу неразрывно связано с мифологической или религиозной картинами мира, а также с суевериями. Речевые запреты были связаны с прямым именованим божеств и духов, некоторых животных, болезней...

Запрещались не сами денотат и референт (то есть что-то материальное) и не сигнификат (смысл, содержание): табуировался именно звуковой комплекс. По этой причине люди стали создавать новые слова, сохраняя большую часть старого смысла. Таким образом возникали первые подобиа эвфемизмов (если быть более точными, то они появились из такого понятия, как *криптолалия*; о данном явлении более подробно будет рассказано во втором параграфе данной главы).

Впоследствии эвфемизмы перестали иметь связь со сверхъестественным, а круг тем, которые охватывает явление эвфемизации, значительно расширил свои пределы. Понятие эвфемизма в современном обществе логичным образом связалось с понятиями этикета и

политкорректности. Некоторых тем в светской (а зачастую и в личной) беседе старательно избегают её участники. Если же речь заходит о чем-то, что имеет «неприятный» оттенок значения, люди стараются смягчать слова, заменять их на неокрашенные термины. Зачастую к названным тематическим сферам относятся физиологические процессы, состояния человека, эвфемизмами наделяются слова, связанные с болезнями или смертью.

Главной целью человека, употребляющего эвфемизм, становится осознанное избегание нежелательного сигнификата слова. Делается это с очевидной целью: не доставлять неудобство собеседнику и самому не испытывать речевого дискомфорта.

Британский лексикограф Эрик Партридж в своём словаре известном словаре «Usage and Abusage: A Guide to Good» [Partridge, 1957] выделил основные категории эвфемизмов по целям:

1) Желание приспособиться к ситуации. Например, избегание специальных терминов медицинскими работниками, дабы пациенты максимально понимали, о чем идет речь, не испытывали чувства страха и т.п.

2) Желание повысить статус или ценность чего-либо. Сюда входит обращение к высокопоставленным лицам (к королеве обратятся «Ваша светлость» и т.д.). В этот же ряд включаются некоторые названия современных должностей: клининговый менеджер, специалист отдела доставки, менеджер ногтевого сервиса...

3) Избегание возможности обидеть, дискриминировать; использование слов, выражающих уважение. Примером могут послужить слова афроамериканец, гомосексуал.

4) Желание смягчить болезненное переживание, трагическое событие. Например, эвфемистические выражения «уйти в мир иной», «час близок».

5) Избегание социально-нравственных табу, зачастую связанных с телом человека, с полом. «В интересном положении» вместо «беременна», «подгулявший» вместо «пьяный» ...

б) Стремление к осторожности в религиозных вопросах, избегание прямых поименных наименований божественных существ.

Классификации эвфемизмов разнятся, некоторые предложенные британским лексикографом пункты у иных исследователей объединяются, какие-то дополняются. Классификацию Парtridge мы сочли наиболее доступной, понятной и иллюстративной.

1.2. Признаки эвфемизмов. Границы термина

Вопрос о признаках эвфемизмов среди лингвистов считается проблемным, поскольку нет единой точки зрения на то, что именно относить к эвфемизмам. Понятие эвфемизма одними языковедами понимается широко, другими же довольно узко, множество языковых единиц отсеивается, не подходя по строгим конкретным критериям.

В данном параграфе мы рассмотрим, какие признаки эвфемизмов выделяют разные ученые, и составим свою классификацию, на которую будем опираться при анализе языкового материала во второй главе.

Один из наиболее известных исследователей эвфемизмов в русском языке В. П. Москвин в статье «Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования» поднимает актуальный вопрос самого определения понятия «эвфемизм» и его черт, позволяющих отделить данный термин от других близких понятий [Москвин, 2001].

Москвин рассуждает о широте понятия эвфемизм и справедливо замечает, что дискуссионной является, например, проблема включения в ряд эвфемизмов некоторых воровских жаргонизмов [Neaman, 1995: 185-238], шифров, которыми пользуются военные для засекречивания информации, латинизмов и медицинских терминов во врачебной среде, используемых для сокрытия предмета разговора от пациентов.

Исследователь называет одну из главных черт коммуникативного взаимодействия – уместность. Понятие уместности он разделяет на два условия:

- 1) Уместность слов и выражений по отношению к содержанию речи (и в этом пункте речь идет в основном о стилистических особенностях: при несоответствии стиля и темы возникает бурлеск).
- 2) Уместность слов и выражений по отношению к ситуации, в частности – к адресату и участникам коммуникации.

Эвфемизмы, по мнению Москвина, реализуют второй пункт – ситуативную уместность.

Некоторые исследователи разграничивают понятия эвфемии и криптолалии, т.е. тайноречия. Так, Словарь лингвистических терминов дает нам такое определение криптолалии:

КРИПТОЛАЛИЯ (тайноречие) англ. *cryptolalia*. Тайный язык («потайной язык»), непонятный для тех слоев общества, которые не входят в данную социальную группу [Ахманова, 2004: с. 211]

Исходя из этого термина, к понятиям эвфемизмов мы не можем отнести ни арго, ни тайный язык военных, ни специальные термины, используемые в медицинской среде. А вот термины, пришедшие как эвфемизмы в обыденную речь из медицинской среды, могут по праву считаться именно эвфемизмами, поскольку служат иным целям, не стремятся быть абсолютно непонятными.

Границу между эвфемией и криптолалией просто провести, если обращать внимание на коммуникантов: в ситуации с использованием криптолалии их будет на один больше, поскольку помимо основных адресата и адресанта появится контрагент, то есть лицо, от которого скрывается информация [Freidhof, 1992: 215-216].

Наличие третьих лиц, помимо непосредственных участников диалога, влияет и на использование эвфемизмов, но в такой ситуации смысл конкретных слов стараются не абсолютно скрыть, а скорее смягчить, завуалировать; этот смысл вполне может быть понятен всем слушателям.

Ряд лексических единиц может являться «эвфемистическими дисфемизмами» (термин американских лингвистов К. Аллана и К. Барриджа) [Allan, Burrige, 1991]. Например, в зависимости от контекста и речевой ситуации, слова «аутист», «кретин», «идиот» могут служить как дисфемизмы, имеющие медицинское происхождение. Использование этих понятий в качестве слов с негативной коннотацией приводит к закреплению отрицательной оценочной семантики в языке. Для данных терминов,

изначально нейтральных, приходится создавать новые эвфемизмы. Происходит это при частом употреблении эвфемизма, когда его смысл становится настолько очевидным, что негативная коннотация «возвращается» в слово, иногда превращая его в единицу пейоративной лексики.

Тем не менее, в науке чаще всего встречается широкое понимание понятия «эвфемизм», что значительно затрудняет их выявление и распознавание.

В нашей работе при выявлении и описании эвфемизмов медицинского происхождения мы будем зачастую прибегать к методу доказательства от противного – отбрасывая спорные варианты, опираясь на контекст, речевую ситуацию и цели употребления анализируемой лексемы.

1.3. Словари эвфемизмов

Отдельно в работе хотелось бы уделить внимание словарям эвфемизмов, поскольку на них будет базироваться значительная часть нашего исследования. Так, одним из важнейших начальных этапов была необходимость выбрать опорный словарь, для чего мы обратились к трудам лексикографов.

Все словари эвфемизмов имеют собственные признаки: системы помет, различаются включением или невключением фразеологических материалов, синонимичных сочетаний, особенностью сортировки материала (по алфавиту, по тематическим группам) и т. д.

Создание словаря эвфемизмов — явление, которое обязано было возникнуть в среде лексикографов-языковедов. Этот словарь соответствовал не только запросам лингвистов, но и запросам всего общества, которое развивалось и продолжает развиваться, следуя вектору тактичности и политкорректности. Целевой аудиторией словарей эвфемизмов стали разнообразнейшие профессии: от журналистов и радио- и телеведущих до политиков, от учителей, преподавателей и до медицинских работников.

Сначала эвфемизмы лишь включались в толковые или фразеологические словари с редкой пометой «эвф» («эвфем»).

Самые первые словари эвфемизмов в мире появились в конце двадцатого века, в России несколько позднее – лишь в 2008 году.

Первым словарем эвфемизмов считается «Kind Words: A Thesaurus of Euphemism» [Neaman, Silver, 1990]. Издан он был в Соединенных Штатах Америки, в Нью-Йорке, и датируется 1990 годом. Достаточно обширное введение содержало историю изучения и пути формирования эвфемизмов. В словарь были включены слова и фразеологизмы, которые не разграничивались. Словарь является тематическим, представляющим

разделы, посвященные предметам одного семантического круга: части тела, грехи, болезни, смерть, преступления и т.д.

Затрудняло использование данного словаря отсутствие стилистических помет и иллюстративного материала.

Второй, более известный словарь эвфемизмов, авторство которого принадлежит лексикографу Р. В. Холдеру, называется «A Dictionary of Euphemisms», буквально – «Словарь эвфемизмов» [Holder, 1995].

Когда Холдер только начинал свою работу по сбору эвфемизмов для словаря в 1977 году, изданий, подобных запланированному, в лексикографии еще не было. В итоге оно вышло в свет несколько позже самого первого словаря – в 1995 году. Тем не менее, данный труд может считаться первым словарем эвфемизмов, упорядоченным не тематически, а по алфавиту. В словаре присутствует большое количество фразеологических сочетаний (по подсчёту Е. Арсентьевой и Ю. Арсентьева, их 2265 единицы [Арсентьева, Арсентьев, 2010: с.63]).

Основной недостаток пособия заключался в размытых границах термина эвфемизма, по причине чего в словарь включились и некоторые дисфемизмы.

Холдер продолжил свою работу над словарем, и в 2007 году вышло издание “A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean” [Holder, 2007], куда вошло более 1200 новых эвфемизмов и эвфемистических фразеологизмов. Помимо дополнения материала изменилось и его расположение: стал использоваться алфавитно-тематический принцип.

Нельзя не упомянуть и словарь Н. Риса 2006 года [Rees, 2006]. Из общего ряда он выделяется тем, что в словарные статьи автор старался включать даты появления эвфемизмов: точные и приблизительные. В качестве достоинств можно выделить и то, что словарь основательно иллюстрирован материалом, взятым из разнообразных источников. Принцип расположения статей – тематический (в словаре представлено 43 группы).

Но наиболее важным для нас является первое подобное издание, затрагивающее русскоязычную лексику. В 2008 году вышел «Словарь

эвфемизмов русского языка» Е. П. Сеничкиной [Сеничкина, 2008]. В предисловии автор указывает, что в словарь включены в основном примеры из русского литературного языка, но не обошлось и без некоторых просторечий, изъятие которых внесло бы толику искусственности отбора материала.

Статьи словаря расположены в алфавитном порядке. Сеничкина активно использует разнообразные пометы, которые значительно упрощают работу со словарем (большой список помет и пояснений к ним дан в предисловии). Для каждой статьи, где возможно, автор приводит синонимический ряд эвфемизмов.

В качестве некоторых достоинств словаря Сеничкиной можно выделить следующие:

1. Иллюстративность, которая включает в себя примеры из художественной литературы и периодических изданий.
2. Разделение примеров на лексику разговорной речи (РР), устной официальной речи (УОР), устной народной речи (УНР).
3. Наличие этимологических ссылок; в том числе автор указывает конкретных ученых, относящих рассматриваемую языковую единицу к эвфемизму.

Таким образом, можно сказать, что «Словарь эвфемизмов русского языка» во многом превосходит своих предшественников, является более точным и удобным с практической точки зрения.

На самом деле, словарей эвфемизмов славянских языков очень мало. В качестве еще одного примера можно выделить разве что «Słownik eufemizmów polskich», изданный в Варшаве тремя годами раньше словаря Сеничкиной [Dąbrowska, 2005]. Автором польского словаря является Анна Данбровска, профессор лингвистики. Словарь разделен тематически на 16 разделов. Достоинством является использование большого количества примеров, взятых из различных источников, как письменных, так и устных. Издание ориентируется на современный язык, количество архаичных эвфемизмов минимально.

В 2019 году словарь переиздавался и дополнялся новыми примерами.

Подводя итог, можно сделать вывод, что словари эвфемизмов – довольно молодая область лексикографии, которая активно развивается и представляет огромный интерес как для лингвистов, так и для людей, просто интересующихся языком.

Глава II. ОСОБЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ И МЕДИЦИНСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ

2.1. Национальный корпус русского языка как база для исследования эвфемизмов

Для лингвистов Национальный корпус русского языка (НКРЯ) даёт обширный простор для исследований лексических единиц [НКРЯ (электронный ресурс)]. Корпус как база, содержащая огромное число текстов, имеет большое количество достоинств, куда можно отнести удобство поиска необходимой информации, хорошую структурированность текстов, сбалансированность данных, разнообразие представленных жанров.

Национальный корпус русского языка представляет собой собрание текстовых материалов на русском языке в электронном формате, являющееся информационно-справочной системой. Эта система представляет язык в динамике, но вместе с тем она дает возможность проследить и рассмотреть функционирование языка на каком-то конкретном, необходимом исследователю, этапе.

Разработкой корпуса занимаются лингвисты, а связанное с этой областью стремительно развивающееся направление языкознания называется корпусной лингвистикой.

Многие распространенные языки мира имеют национальные корпуса. Образцом в этом плане является Британский национальный корпус (сокращенно: BNS) [BNS (электронный ресурс)]. На опыт его создания и развития опираются многие корпуса, в том числе и корпус русского языка.

Национальный корпус русского языка имеет несколько подкорпусов, на данный момент туда включены основной корпус, содержащий прозаические тексты; синтаксический корпус, характеризующийся выстроенной для каждого предложения синтаксической и морфологической структурой;

газетный корпус, где содержатся статьи из СМИ; параллельные корпуса, характерной чертой которых являются соотносительные переводы слов или словосочетаний; диалектный корпус, включающий, соответственно, записи диалектной речи; поэтический корпус, характеризующийся особыми дополнительными критериями поиска; корпус устной речи, где содержатся расшифровки записей частных и публичных речей; акцентологический корпус, дающий информацию об истории акцентологических норм; мультимедийный корпус, содержащий аудио- и видеофрагменты, характеризующийся особенностями поиска по типу речевого действия и жестам.

Самым важным критерием сортировки информации для исследователя является разметка, именно она отличает корпус от простого собрания необработанных текстов. Благодаря разметке появляется возможность анализировать не только содержание представленных текстов, но и отраженный в них языковой материал.

На данный момент в корпусе используется пять типов разметки: морфологическая, синтаксическая, семантическая, акцентная и метатекстовая. Поскольку мы анализируем лексику, особый интерес для нас будет представлять семантическая разметка (в корпусе нет помет «эвф.», зато полезной для нас может оказаться, например, разметка «Оценка», где можно выбрать не только факт наличия коннотации, но и создать список конкретно положительной или отрицательной коннотаций).

Таким образом, в качестве главного источника материала для работы логично было выбрать Национальный корпус русского языка. Он позволяет провести анализ эвфемизмов медицинского происхождения как в качестве лексического материала, так и посмотреть на их функционирование в языковом процессе.

Также одним из оснований для выбора корпуса стало то, что работа с ним значительно упрощает и ускоряет работу: исчезает необходимость самостоятельно скрупулёзно выискивать медицинские эвфемизмы в текстах.

Перед нами мгновенно раскрывается огромное количество необходимых для анализа контекстов.

Достоинством изучения эвфемизмов при помощи методов корпусной лингвистики является и то, что в Национальном корпусе русского языка можно отследить рост или снижение частоты использования конкретного слова на временном графике (НКРЯ включает в себя как ранние тексты — за период начиная от XVII в. до середины XX в. — так и современные — от середины XX в. по настоящее время).

2.2. Лексические особенности некоторых эвфемизмов медицинского происхождения

Для анализа мы взяли отдельно представленную группу – эвфемизмы медицинского происхождения. Для создания списка эвфемизмов мы обратились к словарю Е. П. Сеничкиной и выбрали наиболее важные, на наш взгляд, эвфемизмы, которые имели помету «Спец. мед. эвф. по происх».

Эвфемизмы медицинского происхождения преследуют те же цели, что и все эвфемизмы: избегание «коммуникативного дискомфорта» у участников общения. Определённые заболевания, имеющие немедицинское название в речи, со временем начали обрастать негативной семантикой; упоминание некоторых проблем со здоровьем может быть пугающим, смущающим, неудобным в конкретной речевой ситуации. Для разрешения данной проблемы и служат эвфемизмы медицинского происхождения, которые нивелируют отрицательные семантические особенности ввиду того, что звучат менее табуировано, узкоспециально.

Профессиональная медицинская терминология в России появилась в XVII в. В обыденной речи наименование болезней происходило по их симптомам, наиболее часто – по внешним признакам.

В качестве наиболее яркого примера можно привести эпилепсию, которую называли «падучей болезнью» (или просто – *падучей*). Связано это было с частыми обмороками, «падучими» состояниями.

Слово *эпилепсия* в отношении понятия «падучая болезнь» стала эвфемизмом. Об этом же говорит нам и словарь Сеничкиной:

ЭПИЛЕПСИЯ – вм. чёрная немочь, падучая болезнь, падучая [Сеничкина, с. 455].

В словаре приведен возможный вариант развития наименования данного недуга: чёрная немочь → падучая болезнь → падучая → эпилепсия.

В Национальном корпусе русского языка было найдено 187 примеров употребления слова «эпилепсия». Некоторые из них:

«Мы, мол, в эту комнатку алкашочка подселим, он на кухоньке-то на общей обделаётся пару раз, да разочек его эпилепсия при детишках прихватит — и разъедутся как миленькие, ещё спасибо скажут, что избавили». [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]

«Картина скорей нетипичная, но такие признаки нередко бывают у нервных, возбудимых субъектов (слово "эпилепсия", просившееся наружу, я, к счастью, проглотила)». [И. Грекова. В вагоне (1983)]

«Эпилепсия так и не выпустила из своих цепких когтей 33-летнюю Лялю Массен, не позволила ей ни выйти замуж, ни родить детей, о чём она так мечтала». [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)]

Проанализировав в качестве контекстов художественные произведения, мы обнаружили, что в них слово «эпилепсия» не употребляется как эвфемизм: говорящие не пытаются смягчить диагноз или избежать слова «падучая болезнь».

Примерно тот же вывод мы можем сделать, взяв и нехудожественные источники:

«Сегодня впервые выпала эпилепсия. Девочке повезло — ее скрутило в вагоне метро, это самое безопасное — на станции всегда есть дежурные и милиция». [коллективный. Форум: Первая помощь при эпилептическом приступе (2008-2012)]

«Я не медик, но, по-моему, это не эпилепсия, а организм говорит хозяину, чтоб остановился!» [коллективный. Форум: Первая помощь при эпилептическом приступе (2008-2012)]

«После освобождения у Агапова развилась эпилепсия и дрожательный паралич, вызванные, по заключению теперь на суде двух врачей-экспертов, истязанием». [неизвестный. В России. Телеграммы наших корреспондентов (1911.02.26) // «Русское слово», 1911]

Аналогичная ситуация — отсутствие эвфемии — возникает с научными текстами.

«Сюда относятся некоторые общие или большие невроты, как истерия, миастения и неврастения, отчасти эпилепсия, некоторые фамильные нервные болезни, сопровождающиеся слабоумием и т. п.». [В. М. Бехтерев. Об отношении между психическими и нервными болезнями (1908)]

Иногда слова «эпилепсия», «эпилептический припадок» заменяют просто на «припадок», «приступ», то есть само слово «эпилепсия» уже настолько обыденно и прозрачно для участников коммуникации, что возникает необходимость заменять его более широким, неясным понятием.

Это лишний раз подтверждает то, что, по нашему мнению, слово «эпилепсия» изжило себя в качестве эвфемизма, поскольку перестало заменять понятие «падучая болезнь» или «чёрная немочь».

Проведя опрос, мы выяснили, что многим людям младше 30 лет устаревшие наименования эпилепсии неизвестны, хотя они знают приблизительную симптоматику этой болезни.

В качестве эвфемизма может использоваться сочетание слов «аллергия» + предлог. Так, в словаре Сеничкиной:

АЛЛЕРГИЯ к кому-л., чему-л, на кого-л., что-л. – вм. отр. отношение, нетерпимость к кому-л., чему-л. Разг. перен. ирон. [Сеничкина, с. 55]

Слово аллергия в качестве ироничного эвфемизма используется достаточно часто, примерно в двадцати пяти случаях из ста.

Наиболее часто данный эвфемизм использовался в художественных текстах. Как правило, «аллергия» у авторов высказываний возникала на людей (либо была связана с взаимоотношениями между людьми):

*«Что у нее **аллергия** на бывшего мужа?»* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)]

*«Мне хуже, у меня **аллергия** на всех людей вообще».* [Алексей Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009]

С несколько меньшей частотой слово «аллергия» употреблялось в ответ на «поучительные» реплики собеседника, монологи, мнения:

*«Честно говоря, нет. У меня **аллергия** на всякий тлен».* [Игорь Мартынов. Это наша с тобой абстиненция // «Столица», 1997.03.18]

*«У меня **аллергия** на оркскую мудрость».* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)]

Эвфемизм «аллергия» в подавляющем большинстве был связан с людьми: это логично, поскольку в обществе не принято открыто выражать свою неприязнь к кому-либо, так как подобное высказывание может быть воспринято как враждебность. В связи с этим, как нам кажется, прибегают к данной эвфемии, поскольку ирония сглаживает углы, привнося в реплику долю шутки.

В дополнение можно сказать об еще одном подобном эвфемизме, не представленном в Словаре эвфемизмов русского языка, — о слове «идиосинкразия», обозначающем непереносимость чего-либо. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона дает следующее определение:

«**Идиосинкразия** — наблюдаемое иногда своеобразное свойство иных организмов реагировать на некоторые раздражения совершенно необычным образом». [Брокгауз, Ефрон, 1894]

Данный эвфемизм, пришедший из медицинской сферы, можно считать синонимом слову «аллергия». Зачастую разница в употреблении этих понятий заключается в том, что аллергия всегда чем-либо обусловлена, а идиосинкразия – именно *необъяснимая* неприязнь, беспричинная непереносимость.

Примеры употребления:

«У одних **идиосинкразия** к помидорам, у других — к ресторанам». [коллективный. Тайник // «Огонек». №№ 5-6, 8-13, 1970]

«Ну и, наконец, как показали специальные исследования, в обществе сложилась устойчивая **идиосинкразия** к самому слову «реформы». [Алексей Левинсон. Социологический памятник реформам // «Неприкосновенный запас», 2002.05.15]

«Похоже, у Кирилла с Валерием обнаружилась взаимная **идиосинкразия**». [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1-20 (2011)]

«У Роллинга **идиосинкразия** к слезам, его корчит от слез...» [А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина (1925-1927-1937)]

Эвфемизмом, по мнению российского лингвиста Л. П. Крысина, является слово «ампутация». Оно используется в прямом смысле и в составе метафор. В словаре Сеничкиной оно имеет следующее пояснение:

АМПУТАЦИЯ – вм. отсечение, удаление какого-н. органа, конечности или их частей. [Сеничкина, с. 56]

С выявлением слова «ампутация» как явления эвфемии возникают сложности, поскольку во многих контекстах неочевидно желание избавиться от негативной коннотации. При анализе мы исключали реплики врачей,

медицинскую литературу. По итогу «ампутация» в качестве эвфемизма использовалась в ~10% контекстов, большую часть из которых составляли метафоры, не связанные с телом человека.

«Всё, что не имеет отношения к реальности, он подвергает безжалостной ампутации». [Ирина Новикова. Преодоление иллюзий (о романе Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам») // «Октябрь», 2003]

«Развитие электронных средств интерпретируется в этом плане как финальная "ампутация" человеческого сознания». [Владимир Николаев. Герберт Маршалл Маклюэн и его книга «Понимание средств коммуникации» // «Отечественные записки», 2003]

«Появился даже такой термин — «ампутация души», то есть русского, советского социалистического сознания». [Геннадий Зюганов. Неутешительный диагноз положения страны // «Советская Россия», 2003.08.09]

Мы считаем, что с развитием образования в последние годы слово «ампутация» достаточно прочно вошло в ряд слов, значение которых понятно абсолютному большинству носителей языка, поэтому оно утрачивает своё эвфемистическое значение, когда употребляется в связи с телом человека, вне метафор.

Эвфемизмом в определенных случаях является слово «анатомировать».

АНАТОМИРОВАТЬ – в.м. вскрывать, расчленять труп с научной целью. [Сеничкина, с. 57]

Ситуация складывается аналогично предыдущим примерам: данное слово может выступать в прямом значении и в составе метафор, не имеющих связи с телом человека. Примеры употребления эвфемизма в значении «производить вскрытие»:

*«Прославился тем, что **анатомировал** труп Ленина и извлек из черепной коробки мозг вождя (одно из полушарий в два раза меньше обыкновенного куриного яйца)».* [Катя Метелица. О, Зоо-оо! // «Столица», 1997.08.26]

*«В спальне покойницы, пока длился обед, врачи **анатомировали** тело Елизаветы».* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 1-2 (1934-1939)]

*«Впоследствии я узнала от мужчин, с ним сидевших, и от врача, который **анатомировал** его тело, что до последнего дня он интересовался не своей судьбой, а культурой человечества».* [Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936-1979)]

Со словом «анатомировать» вновь возникает ситуация, когда эвфемизм примерно в три раза чаще используется именно в составе метафор. В метафорическом значении слово анатомировать обычно обозначает «пристально изучать, докапываться до сути»:

*«Он как бы **анатомировал** улицу, смотрел сквозь дома».* [Ю. В. Трифонов. Нетерпение (1973)]

*«...живешь чужими книгами, **анатомируя** их, разбираешь по косточкам, по мосоликам, обгладывая суть и красоту, чтобы после все гордились не романом, но твоей копией».* [Владимир Личутин. Любостай (1987)]

Иногда слово «анатомировать» выступает с некоторой негативной коннотацией:

*«— Прекрасная группа! Одного **анатомируют** и клеймят, других пытаются! И все это совершается в лампадном чаду комментаторов!»* [М. А.

Дмитриев. Второй разговор между Классиком и Издателем “Бахчисарайского фонтана” (1824)]

Может использоваться иронично, как в данных примерах, связанных с едой:

*«Пытливо **анатомировали** сбрызнутых лимонным соком панцирных моллюсков в рыбном ресторанчике «Два лосося». [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. [Голово]ломка (2001)]*

*«Девочке заказали сладкие пирожки, и она стала их **анатомировать** пальцем, мурлыча и болтая ногами». [А. С. Грин. Золотая цепь (1926)]*

Эвфемизмами могут являться и прилагательные, пришедшие из врачебной практики. Таким является слово «гипертрофированный»:

ГИПЕРТРОФИРОВАННЫЙ – в.м. увеличенный. [Сеничкина, с. 97]

Данное слово наиболее часто является эвфемизмом (приблизительно в 90% проанализированных случаев), преимущественно выступая в ряде примеров, не связанных непосредственно с организмом человека:

*«Однако, уверены они, «только в нашей стране технология их охраны приобретает столь **гипертрофированные** формы». [Михаил Виноградов. Путин в пробке. Депутатам мешают кортежи президента и премьера // «Известия», 2001.07.04]*

*«Конечно, у японцев нашёлся подарок и для возлюбленной из Цирка на льду, но они не могли скрыть своего **гипертрофированного** интереса к Арнольду». [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]*

*«В России, где всегда особо чтили ходящих «по краю», сложилось **гипертрофированно** уважительное отношение ко всяческим человеческим отбросам». [Александр Зябликов. Провинциальная столица // «Сибирские огни», 2013]*

«Гипертрофированный» употребляется чаще всего в значении «большой, огромный», поэтому данное слово имеет широкий сочетаемостный потенциал, в связи с чем сложно установить какой-то типичный ряд контекстов: слово встречается и в художественной литературе, и в публицистике, проникает в разговорную речь. Тем не менее, с уверенностью можно сказать, что данная лексема в большинстве случаев выступает как пейоратив, обозначая излишество.

Медицинское происхождение имеет слово «депиляция».

ДЕПИЛЯЦИЯ – в.м. уничтожение волос с лечебными или косметическими целями. [Сеничкина, с. 109]

Проанализировав контексты, мы пришли к выводу, что слово «депиляция» является эвфемизмом во всех контекстах, употребляемых вне медицинской сферы. Употребления в составе метафор найдено не было. Примеры использований:

*«В современной практике подобный метод известен как «шутаринг», к слову — один из наиболее болезненных способов **депиляции**...»* [Гладкие, как шелк! // «Лиза», 2005]

*«Сеансы **депиляции** становятся все проще, а периоды между ними — все длиннее».* [Мария Давыдова. Роман с депилятором // «100% здоровья», 2002.11.11]

*«**Депиляция**, омоложение, формирование, увеличение и уменьшение (сами понимаете чего)».* [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)]

Между эвфемизмом «депрессия» и медицинским понятием «депрессия» складываются необычные отношения. Эвфемичное понятие становится своеобразной синекдохой, поскольку вмещает в себя частичную симптоматику основного заболевания, зачастую преуменьшая тяжесть психического состояния, в меньшей мере затрагивая соматические

особенности. Сравним толкование из Словаря эвфемизмов русского языка и определением депрессии из Большой российской энциклопедии:

ДЕПРЕССИЯ – вм. подавленность, «угнетенное, подавленное психическое состояние» [Сеничкина, с. 109]

«**ДЕПРЕССИЯ** (от лат. depressio – подавленность, придавливание, понижение, углубление), одно из самых частых психич. расстройств, проявляющееся подавленным настроением и угнетением психич. активности; прежнее название – меланхолия» [БРЭ (электронный ресурс)].

Легко можно заметить, что определения имеют общие фрагменты: угнетенность и подавленность. Отличие в том, что в эвфемизме чаще всего делается упор на эмоциональное состояние, настроение, а не на патологию психики. Из списка примеров были исключены понятия депрессии, связанные со сферой экономики, геологии и метеорологии, поскольку в данный момент они существуют как самостоятельные термины. Употребление слова «депрессия» в качестве эвфемизма:

*«Я не спорю, государство несёт определённую долю ответственности за происходящее, но замыкаться на этой теме — значит побуждать людей к изживенчеству, пассивности и **депрессии**».* [Д. Соколов. Нет больше сил терпеть безнадегу // «Витрина читающей России», 2002.10.25]

*«Прежде, однако, я всегда ощущал перед ним смутную тревогу, своего рода необъяснимую **депрессию**, которая делала меня вдвойне осторожным — и несколько раз спасала мне жизнь».* [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)]

*«Следователь вежливо усмехнулся, позволил себе выразить уверенность в том, что поэт сейчас в состоянии некоторой **депрессии**, но что скоро это пройдёт».* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)]

Поиск контекстов осложнялся тем, что в большинстве примеров нельзя сказать наверняка, что имел в виду автор под понятием «депрессия». По этой причине нельзя с абсолютной уверенностью сказать, является ли слово эвфемизмом, даже если мы учитываем контекст употребления.

Со ссылкой на Л. П. Крысина в словаре представлен эвфемизм «диссимуляция»:

ДИССИМУЛЯЦИЯ – в.м. сокрытие болезни или её признаков.
[Сеничкина, с. 112]

Национальный корпус русского языка свидетельствует о том, что слово «диссимуляция» активно в русском языке не употребляется, еще реже – выступает в качестве эвфемизма, используясь вне медицинского дискурса как синоним слову «симуляция»:

*«— Да, все — притвор, обман, **диссимуляция**, чертова политика, игра кошки с мышкою». [Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)]*

*«...и како, где подобало, знание свое покрывал, что политическими учителями **диссимуляцию** нарицают и в первых царствования полагают регулах». [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово на похвалу блаженных и вечнодостойных памяти Петра Великого (1725)]*

Эвфемизм «дистрофия» (как и «депрессия») включает в себя лишь некоторые признаки данного явления, употребляясь вместо слова «истощение». Чаще всего контексты связаны с голодом (что не всегда является причиной дистрофии):

*«Мало кто вернулся из двухсот — одни расстреляны, другие накрылись деревянбушлатом, погибли от **дистрофии**, расстреляны при лагерных чистках». [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]*

*«Организм пятнадцатилетних мальчишек оказался особенно уязвимым для вызванной недоеданием **дистрофии**».* [В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003)]

*«Вы обязаны были привести пример смерти солдат на о. Русский (да, от **дистрофии** при Ельцине...)».* [коллективный. Форум: Что нам ветер, да это ответит... Обсуждение (2012)]

Вновь про каждый из этих примеров нельзя с уверенностью сказать, эвфемизм ли в них «дистрофия», обозначающий голодное истощение, или прямое наименование патологии, связанной со структурным клеточным изменением.

Вместо прямого обозначения человека, пристрастившегося к воровству, используют эвфемизм «клептоман»:

«Потом потянулись вдруг хорошие люди, батюшка-атеист, батюшка-пьяница, батюшка-клептоман...» [Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004)]

*«Например, лентяй утверждает, что не хочет работать из принципа, **клептоман** ратует за экспроприацию, а флегматик становится консерватором».* [Давид Самойлов. Из подённых записей (1971-1990)]

*«Около все время трется Демидов, **клептоман**, один из несчастнейших людей на каторге».* [В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)]

Иногда слово «клептомания» может выступать антонимом слову «вор»:

*«**Клептомания** свойственна женщинам, и они падки на блестящие предметы, а наш друг был просто ворюшка».* [Василий Катанян. Лоскутное одеяло (1990-1999)]

Примером эвфемизма-прилагательного может служить слово «лабильный»:

ЛАБИЛЬНЫЙ – в.м. неустойчивый, нестойкий. [Сеничкина, с. 172]

Слово чаще всего фигурирует в научных текстах, преимущественно связанных с психологией/психиатрией, редко выступая в качестве эвфемизма (~16% случаев):

«...высокопарно вещал тоскующему автору: «Вы здесь где-то переусердствовали, где-то не хватило у вас чувства меры, материал оказался крепче вас и лабильнее...». [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Град обреченный (1972)]

«Природа человека растворяется в лабильных, изменчивых актах коммуникации, а сами акты коммуникации не подчиняются каким-либо нормам, спонтанны и самопроизвольны». [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел V. Универсалии как кванторы: от номинализма к концептуализму (2006)]

«Валеры зимние действуют не всегда логично, лабильны, эксцентричны». [обобщенный. Расшифровки имен // «Техника - молодежи», 1991]

Часто эвфемизм «лабильный» использовался как черта характера человека, шло указание на его непостоянство.

Слово «латентный» тоже покинуло медицинскую сферу и используется в качестве эвфемизма, обозначая что-то скрытое, не проявляющееся внешне. [Сеничкина, с. 173]

«По большей части это противостояние латентно, достоянием общественности оно пока, к счастью, не стало, но на управляемости вооружённых сил сказывается уже давно». [Дмитрий Литовкин. Броня

крепка. Генштаб отказывается реформировать армию // «Известия», 2002.09.27]

«Как и всякий латентный "митек", много сладостных минут я посвятила изучению знаменитой поваренной книги Елены Молоховец и, в частности, её разделу "Водки разныя"». [Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога // «Столица», 1997.05.13]

«Но в принципе можно было за деньги что-то достать, возникла целая субкультура латентных книжных рынков». [А. Л. Доброхотов, Иван Мартов. «Постструктурализм — это в основном бредятина». Читательская биография философа Александра Доброхотова (2017.02.22)]

Слово «латентный» в качестве эвфемизма выступает приблизительно в 56% случаев, что говорит о том, что слово хорошо освоено языком вне профессиональной сферы.

Еще чаще в повседневной жизни можно встретить понятный большинству носителей языка эвфемизм «летальный» (смертельный либо приводящий к смерти). [Сеничкина, с. 175]

«Все летальные агенты перечислены в Конвенции о химическом оружии и считаются официально запрещёнными». [Владимир Демченко. Террористов подсчитали // «Известия», 2002.10.29]

«Буковками поменьше: «Быстро, дешево, питательно». Я бы еще приписал совсем крошечными: «Летально. Гарантия 100 %». [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]

«Нет, Леон, увы, мой диагноз суров: тяжелая злокачественная любовь и, видимо, с летальным исходом — имею в виду идиотский брак по идиотской страсти». [Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)]

В словаре эвфемизмов русского языка представлены также слова «летально», «летальность», сочетание «летальный исход». «Летальный» выступает как эвфемизм приблизительно в 80% случаев.

Из области психиатрии проникает в повседневность термин «мегаломания», заменяющий сочетание «мания величия». Так Большой академический словарь определяет мегаломанию как психическое заболевание, при котором больной считает себя великим человеком. [БАС, Т.9, 2004]

Эвфемизм же делает упор на *излишнее* чувство собственного величия человека, в отношении которого употребляется данное слово. Как правило, выступает пейоративом:

«Мегаломания чиновников сопровождала этой странной и упорной войны с пространством...» [В. А. Подорога. Европа и Россия. Вопрос о колонизации (2009)]

«Они там мало кому нужны, а с их мегаломанией тем более». [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)]

«Однако, когда Аденауэр сказал, что немцы — это те же бельгийцы, только обуреваемые чувством мегаломании, разразился настоящий скандал, и ему пришлось извиняться». [Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)]

Зачастую пейоративом является эвфемизм «олигофрен» и понятие «олигофрения», которое заменяет слово «малоумие»:

«С чем же, с каким багажом подошли мы к рубежу, дальше которого ступать опасно? Алкоголизм, проституция, наркомания, олигофрения, детская смертность, жилищный кризис, отказ от детей и бешенство молодежи, поголовное воровство и поголовный цинизм, организованная преступность и мн. др.» [Георгий Бурков. Хроника сердца (1953-1990)]

«Это же твой шанс. Твой шанс в жизни, олигофрен. Что ты заработаешь своими диссертациями?» [Алексей Макушинский. Город в долине (2012)]

«Не знаешь? Откуда тебе знать, олигофрен, — сказала я, села на нижнюю полку и заплакала». [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)]

По причине использования эвфемизма в качестве слова с отрицательной коннотацией, в языке возникла необходимость придумать эвфемизм уже для понятия «олигофрения», ставшего дисфемистичным эвфемизмом. Сейчас используются сочетания «умственная отсталость», «расстройство интеллектуального развития», «общее расстройство обучаемости», «интеллектуальное нарушение».

Из французского языка заимствован медициной несклоняемый эвфемизм «рамоли».

РАМОЛИ – в.м. впавший в слабоумие, старчески расслабленный, впавший в слабоумие человек. [Сеничкина, с. 372]

Примеры употреблений:

«Это не начальник штаба, это — развалина. Рамоли! Он подтвердил цифири Криденера, взятые с потолка». [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]

«Изображать этих графов, сказал режиссер, надо как стариков-рамоли». [Леонид Утесов. «Спасибо, сердце!» (1982)]

«Дризен — слишком ослаб (рамоли), и у него здесь неважнецкая репутация; посему, боюсь, мы снова с ним разойдемся». [Н. Н. Евреинов. Письма Юрию и Юлии Ракитиным (1928-1938)]

Изредка слово используется как дисфемизм. Является эвфемизмом в абсолютном большинстве случаев (~90%). Понятие «рамоли» значительно устарело и в последнее время слово практически не употребляется.

В качестве эвфемизма в словаре Сеничкиной указывается слово «суицид» — самоубийство. Примеры использования:

*«Если за три предыдущих месяца **суицид** в Саранске фиксировался нечасто, то теперь попытки покончить с жизнью ежедневно предпринимают 1-2 человека».* [Осенний сезон самоубийств передвинулся на декабрь // «Московский комсомолец» в Саранске, 2004.12.23]

*«По телевизору и вовсе в красках покажут один **суицид** по десяти каналам — словно нарочно, чтобы у зрителей сложилось ощущение тотального ужаса».* [Софья Тарасова. «Мне бы в небо» // «Знание-сила», 2013]

*«А в другой школе к учителю-историку подростки обратились с просьбой организовать круглый стол по проблеме **суицида**».* [Софья Тарасова. Синдром усталости души? // «Знание-сила», 2013]

Слово суицид прочно вошло в общественную жизнь. Мы считаем, что слово «суицид», использующееся вместо «самоубийство», будет являться эвфемизмом в 100% случаев. Вместе с этим, его значение понятно абсолютному большинству русскоговорящего населения. Значит, оно утрачивает свою эвфемистичную окраску, становясь равноценным по стилистике синонимом слову «самоубийство». Возникает парадокс: слово либо является эвфемизмом в 100% употреблений, либо в 0%, поскольку перестало быть эвфемизмом в принципе. Вопрос требует более детального исследования.

Эвфемизм «фобия» используется для обозначения навязчивого страха, он звучит более гиперболизировано, чем просто слово «страх»:

*«Эти страхи по поводу того, что каждый выходец из «царства КГБ» — потенциально его агент, не новая **фобия** для Израиля».* [Владимир Бейдер. Русский транзит: из грузчиков в премьеры // «Огонек», 2013]

*«Балабанов умело играет на болевых струнах общественного сознания — от ущемлённой национальной гордыни до **фобий** и предрассудков».*
[Валерий Кичин. Поэзия компьютера // «Известия», 2002.04.26]

*«При этом волшебных сказок мы боимся, так как податливы на **фобии**, что «Гарри Поттер» вреден, «Карлсон» опасен и так далее...»* [М. В. Строганова, иеромонах Димитрий (Першин). Евангелие в мире волшебства: Гарри Поттер (2015.09.24) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015]

Отдельными эвфемизмами могут выступать сложные слова, содержащие корень –фоб- (например, мизофобия – страх заражения, загрязнения, избегание физических контактов с потенциально нечистыми поверхностями). [Блейхер, 1995]

Слово «фобия» проходит период семантического расщепления, становится многозначным: помимо обозначения страха, появляется значение нетерпимости и необъяснимого отрицательного отношения к какому-либо объекту (гомофобия, ксенофобия, русофобия). Часть -*фобия* тоже вступает эвфемистично, поскольку в русском языке есть аналог –*ненавистничество* (например, *женоненавистничество*, *человеконенавистничество*), который звучит более грубо.

Эвфемизмом является слово «эвтаназия», которое заменяет понятия «усыпление», «умерщвление». Поскольку вопрос о добровольном прерывании жизни человека, испытывающего страдания вследствие неизлечимого заболевания, является по сей день дискуссионным, данный эвфемизм старается максимально завуалировать понятие «смерть» (или даже «убийство» — в зависимости от взглядов говорящего на гуманность данного действия).

Примеры употреблений:

*«Это же касается **эвтаназии**, так как в Швейцарии очень либеральные законы, и к нам специально приезжают пациенты из других стран, чтобы совершить эвтаназию, это касается и других ключевых вопросов биоэтики».*

[М. В. Строганова. Убил ли врач пациента, или что происходит под покровом биоэтики? (2015.10.30) // Православие и мир (pravmir.ru), 2015]

«Кроме этого, там разрешена эвтаназия. Вот где надо жить и умирать. Ну что, едем?» [Александр Тимофеевский. Швейцария // «Русская жизнь», 2012]

«Я не одобряю в данной ситуации никого: ни Веру, решившую заработать, ни алчную Аллочку, ни Катю, избавившую своего жениха от мучений. Хотя вопрос об эвтаназии спорный». [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)]

Понятие эвтаназии наиболее часто связано с жизнью человека, реже встречаются случаи, когда речь идет о животных:

«— Сначала мы за ним наблюдаем, — смиренно вздыхает Мурашев. — Потом подвергаем эвтаназии. В клетку с мышью вводится специальный газ, и животное просто засыпает». [Ольга Андреева. Мышиное животноводство // «Русский репортер», № 28 (156), 22-29 июля 2010]

«Мне удалось спасти нескольких собак от эвтаназии — успела найти им новых хозяев». [Майя Валеева. Кусаки, рыжий бес // «Наука и жизнь», 2008]

«Эксперимент in vitro включал в себя выделение перитонеальных макрофагов у 4 подвергнутых эвтаназии интактных морских свинок без предварительной активации макрофагов каким-либо способом». [Штаммовые различия репродукции вируса Эбола в перитонеальных макрофагах и эксплантатах аорты морских свинок // «Вопросы вирусологии», 2004.03.08]

Слово «эвтаназия», по нашему мнению, выступает эвфемизмом в 100% случаев употребления вне медицинской сферы (включая сферу ветеринарии).

Подводя итоги практической части исследования, можно сказать, что механизм развития для каждого эвфемизма своеобразен и неповторим. Несмотря на то, что они используются для идентичных целей, языком

эвфемизмы осваиваются неравномерно: некоторые слова настолько проникают в повседневную жизнь, что перестают играть роль эвфемизмов в принципе, иные – являются эвфемизмами в абсолютном большинстве случаев; какие-то эвфемизмы представляют собой неологизмы, звучат ново, другие – уходят из употребления ввиду архаичности или появления нового, более политкорректного слова.

Большинство эвфемизмов медицинского происхождения являются иноязычными словами, заимствованиями из латинского и греческого языков.

2.3. Социальный аспект эвфемизации лексики медицинского происхождения

Споры о связи языка и мышления человека идут уже многие годы. Например, сторонники гипотезы лингвистической относительности считают, что язык может формировать взгляды на мир и влиять на когнитивные процессы человека. Э. Сепир и Б. Уорф делали упор на психологизм в своих исследованиях. В итоге, в конце XX века получила признание психолингвистика, где уделяется внимание в том числе и эвфемизмам [Тихонов, с. 163].

Развивались идеи социолингвистики. Необходимость учитывать социальные явления в вопросах лингвистики формулировал Бодуэн де Куртенэ: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология». [Бодуэн де Куртенэ, 1963: с. 15]

Эвфемизмы используются там, где речь идет о неприличных или неуместных, по мнению говорящего, вещах. Именно поэтому эвфемизмы не просто явление языковое, но также культурное и социальное.

Эвфемизмы медицинского происхождения, как и эвфемизмы в целом, затрагивают явление, которое в последние годы называется «беговой дорожкой эвфемизма» (автор термина – Стивен Пинкер) [Pinker, 2018]. Это связано с особенностями семантики слова: со временем негативное значение с завуалированного переходит в более явное, возникает потребность в замене эвфемизма другим словом, значение которого будет более эвфемистично.

Иллюстрацией может послужить фрагмент из практической части исследования.

Понятие «умственная отсталость» изживает себя, считается дискриминирующим, иногда выступает как дисфемистичный эвфемизм.

Несмотря на это, в последней Международной классификации болезней (International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems) присутствует раздел «Умственная отсталость» (F70-F79) [МКБ-10, 1995: с.313]. Формулировку планируется заменить в МКБ-11, которая должна вступить в силу в 2022 году.

Б. А. Ларин, советский лингвист, указывает на корреляцию между частотой использования эвфемизма и потерей словом облагораживающего значения. Чем активнее используется эвфемистичное слово, тем быстрее оно переходит в категорию прямых наименований [Ларин, 1997: с. 110].

Обратной стороной медали является романтизация некоторых явлений. Так слово «депрессия» иногда используют вместо понятия «подавленность», подменяя обозначение эмоционального состояния психиатрическим диагнозом. Депрессия в глазах некоторых ошибочно становится чертой человека глубокого, умного, философичного (подкрепляют этот стереотип некоторые статьи, например, «Горе от ума: 8 причин, по которым умные люди чувствуют себя несчастными» [«Цех» (электронный ресурс)]). Люди, которым необходима медицинская помощь, ввиду упомянутого фактора склонны некритически оценивать своё состояние, поскольку само понятие «размывается». И наоборот: некоторые начинают испытывать ипохондрию, считая кратковременное угнетенное состояние серьёзным заболеванием.

Некоторые эвфемизмы, которые должны служить обозначением заболевания, не приживутся, поскольку являются не нейтральными, а имеющими положительную оценку.

Максим Кронгауз, российский лингвист, сравнивает два эвфемизма — «дети-бабочки» (с заболеванием буллезный эпидермолиз) и «солнечные дети» (с синдромом Дауна). Он прогнозирует, что первый останется в языке с большей вероятностью, поскольку выполняет лишь функцию придания нейтрального значения; в то же время второй эвфемизм выступает как мелиоратив, навязывая стереотип о том, что такие дети должны быть «солнечными» [Лактюшина (электронный ресурс)].

Похожий пример приводит Сергей Прушинский, руководитель веб-школы «Перспективы». Он упоминает эвфемизм-неологизм «люди с альтернативной одаренностью», вокруг которого тоже возникает проблема ввиду формирования вокруг человека некоторых ожиданий [Полонская (электронный ресурс)].

Подтверждением влияния наименования диагноза на отношение к человеку является исследование 2014 года, где проводился опрос студентов-медиков. Слово «паралитик» они оценивали как более тяжелое состояние, нежели в случаях, где формулировка звучала как «парализованный» [Maass, Suitner, Merkel, 2013: p. 331-343]. Связано это с тем, что существительные больше отождествляются с человеком, нежели прилагательные.

Если эвфемизм в речевой ситуации найти затруднительно, эксперты советуют использовать конструкцию «пациент с...» / «человек с...». Например, менее грубо будет звучать «человек с неврозом», в отличие от слова «невротик», поскольку во втором случае болезнь выступает ярким характеризующим признаком, скрывая иные черты личности человека.

Заключение

Мы проанализировали эвфемизмы на материалах Национального корпуса русского языка. При работе внимание уделялось разнообразным аспектам: были изучены исследования, посвященные теме эвфемизмов в целом и эвфемизмам медицинского происхождения в частности; мы представили анализ лингвистического материала и выявили тенденции бытования медицинской лексики вне профессиональной сферы. Также нами были рассмотрены социальные аспекты эвфемизации медицинской лексики в современном русском языке. Мы провели обзор основных словарей эвфемизмов разных языков, сравнили их, выделили достоинства и недостатки.

В словаре Е. П. Сеничкиной с пометой «спец. мед» выступают всегда отдельные слова (словосочетания отсутствуют), как правило, это существительные (прилагательные и глаголы – значительно реже).

Большинство представленных эвфемизмов представляет собой заимствования из латинского и древнегреческого языков, что связано с изначальной сферой употребления, с научной терминологией.

С. Видлак, польский лингвист, считал, что эвфемизмы, являющиеся заимствованными по происхождению, звучат более благородно, поэтому менее шокирующе. Л. П. Крысин утверждает, что иноязычные термины употребляются реже и, вследствие этого, меньше понятны носителю языка: таким образом обозначаемое явление становится завуалированным (полифагия вместо обжорство, рамоли вместо слабоумие, педикулёз вместо вшивость) [Крысин (электронный ресурс)].

В процессе исследования мы пришли к выводу, что некоторые понятия устаревают как эвфемизмы. Такая ситуация складывается, например, со словом «эпилепсия». Оно перестало употребляться в попытке завуалировать сочетание «чёрная немочь», «падучая болезнь», поскольку те вышли из употребления.

Эвфемистическое значение утрачивается также ввиду частого употребления, как это происходит со словом «суицид»: в последние годы оно используется всё больше, проникая в повседневную речь и переставая быть непонятным словом, которое может скрыть денотат.

Некоторые же слова, пришедшие из медицинской сферы, продолжают своё употребление в роли эвфемизмов в ста процентах случаев (депиляция, эвтаназия, рамоли).

Ряд исследованных лексических единиц может являться «эвфемистическим дисфемизмом» (термин американских лингвистов К. Аллана и К. Барриджа), употребление которых в качестве пейоративов приводит к закреплению отрицательной оценочной семантики в языке. Для данных терминов, изначально нейтральных, приходится создавать иные эвфемизмы, связано это с понятием «беговой дорожки эвфемизма».

Обратной стороной медали является романтизация некоторых явлений. Присутствует проблема придания положительной окраски заболеванию вместо нейтральной, в связи с чем эвфемизм «обязывает» соответствовать больного внутренней мелиоративной форме слова.

Подводя итог, можно сказать, что эвфемизмы медицинского происхождения прочно закреплены в нашем языке и продолжают свое распространение в различных сферах, поскольку люди испытывают необходимость смягчать неприятный денотат. Вместе с тем происходит видоизменение некоторых терминов, они реже перестают употребляться как эвфемизмы.

Исследование имеет дальнейшие перспективы, потому что эвфемизмы достаточно быстро видоизменяются и заменяются новыми, что связано в том числе и с динамичным развитием общества, идей толерантности и «видимости» особых групп людей.

Вопрос употребления эвфемизмов продолжает оставаться дискуссионным и неоднозначным: противники эвфемизмов считают, что необходимо «называть вещи своими именами»; считают, что навязывание

употребления эвфемизмов и осуждение за их неиспользование противоречит праву человека на свободу слова. Также эвфемизмы могут использоваться с целью сокрытия информации, преуменьшения масштабов каких-либо происшествий, влияния и манипулирования массовым сознанием.

По этим причинам, данная работа может послужить опорой не только для дальнейшего исследования в области языка, но может стать базой для трудов по социологии, политологии, социальной антропологии, психологии и другим дисциплинам, включающим гуманитарные подходы.

Список литературы

1. Арсентьева, Е.Ф. Словари эвфемизмов: общие принципы составления и представленность в них фразеологического фонда английского и русского языков /Е.Ф. Арсентьева, Ю.С. Арсентьева. — Казань: Ученые записки казанского университета, 2010. — с. 61-68 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов /О.С. Ахманова. — 2-е изд., стер. — Москва: Едиториал УРСС, 2004. — 571с.
3. Блейхер, В.М. Толковый словарь психиатрических терминов /В.М. Блейхер, И.В. Крук. — Воронеж: Модэк, 1995. — 640с.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том I — Москва: АН СССР, 1963. — 385с.
5. Большой академический словарь русского языка /ред.: Л. И. Балахонова. — Т. 9: Л - Медь. — Москва: Наука, 2004. — 658с.
6. Евгеньева, А. П. Малый академический словарь — М.: Институт русского языка Академии наук СССР, 1957—1984. — 78964 с.
7. Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона т. XII /Брокгауз, Ф. А., И.А. Ефрон. — Москва: АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1894. — 802с.
8. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы) /Б.А. Ларин. — Москва: Просвещение, 1977. — 224с.
9. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, Том 1 (часть 1) /сост. и ред. Овчаров В. К., Максимова М. В. — Москва: Медицина, 1995. — 698с.
10. Москвин, В.П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования /В.П. Москвин. — М: Вопросы языкознания, 2001. — 58-70 с.
11. Сеничкина, Е.П. Словарь эвфемизмов русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 464 с.

12. Тихонов, А.Н. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий /А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева, и др; А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов. — 2-е изд., стереотипное. — Москва: Флинта, 2014. — 840с.
13. Allan K., Burrige, K. Euphemism and Dysphemism: Language Used As Shield and Weapon — New York: Oxford University Press, 1991. — 276 p.
14. Dąbrowska, A. Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie — Warszawa: Wydawn. Nauk. PWN, 2005. — 323 с.
15. Freidhof, J. Typen dialogischer Kohärenz und Illokutionsblockade (mit Belegen aus dem Russischen und Tschechischen) — Zeitschrift für Slawistik. — De Gruyter, 1992. — 215-230 p.
16. Holder, R.W. A Dictionary of Euphemisms — N. Y.: Oxford University Press, 1995. — 470 p.
17. Holder, R.W. A Dictionary of Euphemisms. How Not to Say What You Mean. — N. Y.: Oxford University Press, 2007. — 506 p.
18. Maass, A., Suitner, K., Merkel E. Does political correctness make (social) sense? // Social Cognition and Communication/ ed. J. P. Forgas, O. Vincze, J. László. — 1st Edition. — New York: Psychology Press, 2013. — 368 p.
19. Neaman, J. S. The Wordsworth Book of Euphemisms: the Hilarious Guide to the Unmentionable. — Wordsworth Editions Ltd., Cumberland House, 1995. — 420 p.
20. Neaman, J.S. Kind Words: a Thesaurus of Euphemisms. Expanded and Revised Edition /J.S. Neaman, C.G. Silver. — New York: Facts on File, 1990. — 373 p.
21. Partridge, E.H. Usage and Abusage: A Guide to Good English — H. Hamilton, 1957. — 390 p.
22. Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. — М.: Альпина Нон-фикшн, 2018. — 608 p.
23. Rees, N. A Man about a Dog. Euphemisms and Other Examples of Verbal Squeamishness. — London: Harper Collins Publ. Ltd, 2006. — 418 p.

Интернет-источники:

24. Агаджанян С. А. Эвфемизмы в системе средств речевого воздействия воздействия в коммуникативном пространстве «Врач – пациент» (статья) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-v-sisteme-sredstv-rechevogo-vozdeystviya-v-kommunikativnom-prostranstve-vrach-patsient-na-materiale-angliyskogo-yazyka/viewer> (дата обращения: 27.02.2020)
25. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/medicine/text/1948415> (дата обращения: 27.02.2020)
26. Британский национальный корпус [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 15.03.2020)
27. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>
28. Лактюшина И. Люди с инвалидностью и без: как язык влияет на наши отношения (статья) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2016/02/17/116907/> (Дата обращения: 30.04.2020)
29. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 20.05.2020)
30. Полонская Л. Станет ли Квазимодо «человеком со сколиозом». Как изменить стереотипы о людях с инвалидностью (статья) [Электронный ресурс]. URL: <https://philanthropy.ru/news/2016/02/19/35034/> (Дата обращения: 30.04.2020)
31. Цех: Горе от ума: 8 причин, по которым умные люди чувствуют себя несчастными [Электронный ресурс]. URL: <https://zeh.media/zhizn/emotsii/9726084-gore-ot-uma-8-prichin-po-kotorym-umnyye-lyudi-chuvstvuyut-sebya-neschastnymi> (дата обращения: 20.04.2020)